

В перестроечные годы, когда я уже имел достаточно большой опыт работы в самых разных изданиях, которые появлялись в то время в большом количестве и так же массово исчезали с читательского рынка по причине невостребованности, мой старший коллега Виталий Втюрин в минуту моего душевного кризиса подогнал грузовик к организации, где я тогда прозябал, и, не обращая внимания на мои протесты, буквально погрузил меня с вещами и вывез на новое место работы в редакцию областной газеты «Южный Урал», где он уже заранее побеспокоился о моей кандидатуре. Так я стал сотрудником газеты, где и проработал практически все оставшиеся годы.

Диапазон впечатлений и открытий в работе журналистов «Южного Урала» давал тогда главное: возможность быстрого профессионального роста. Областная общеполитическая газета в 90-е и более поздние 2000 годы

не была идеологически зажатой и узкой по охвату тем, широте мнений и способов самовыражения. Вопреки утверждению, что «Южный Урал» это коммунистическая газета, практика работы быстро убеждала в обратном. Предвзято судили о газете как раз те, кто её не читал, не анализировал материалы, а представлял точку зрения конкурирующих изданий, администрации, настроенной на монополию мнений, да и просто чем-то обиженных.

Редакционные летучки, которые многим опытным журналистам были в тягость, потому что превращались иной раз в нудные заседания, с подробными обзорами напечатанных материалов, где каждый должен был высказать свою точку зрения, были, тем не менее, очень полезны молодым журналистам, ведь коллектив редакции непрерывно обновлялся, и ничьё мнение на таких летучках не подавлялось. «Южный Урал» имел свою творческую и профессиональную школу, чего не было в других редакциях.

Большую пользу давала возможность постоянно бывать в гуще жизни, ездить в командировки, знакомиться с реальными проблемами в экономике, социальной, научной, культурной сферах, встречать выдающихся людей. Далеко не в каждом журналистском коллективе были такие возможности для творческого роста. Поэтому не удивительно, что многие наши коллеги после «Южного Урала» легко нашли

себе работу в столичной журналистике, возглавили собственные амбициозные проекты.

Что же представляла из себя школа «Южного Урала»? Редактор газеты Владимир Иванович Никитин был не просто влюблённым в свою профессию газетчиком, но и увлечённым педагогом, он исповедовал приоритет научных истин и всегда отстаивал собственный критический взгляд на любое явление. Того же он требовал и от журналистов. Одно время он преподавал на кафедре журналистики Оренбургского педуниверситета и в редакции было полно молодых людей, которые выбирали себе журналистскую профессию.

Владимир Иванович частенько любил озадачивать молодые умы каким-нибудь парадоксом:

— Ну что вы все повторяете одно и то же — Пушкин, Пушкин, Пушкин... Ну, Пушкин... Ну, генний. Ну и что? Дальше-то что?

Или про телевидение, продукцию которого он страстно изобличал и при каждом удобном случае обращал внимание на пошлость и идеологическую заданность сериалов и передач...

— Вы что, совсем профессиональное чутьё потеряли? Ведь дурят вас, дурят сознательно, а вы и рады. Какой там Пауль-осьминог? Чего осьминог может предсказать? Какой результат матча? Ведь миллиарды в эту профанацию вложены, чтобы такие, как вы, смотрели на экран, не отрываясь... Или вот ещё,

придумали, чем удивить: жираф! Вы когда-нибудь живьём такого жирафа видели? Правильно, по телевизору и не такое покажут. А как журналисты, вы обязаны были задуматься, ведь кровь по такой длинной шее ни за что не дойдёт до головы. Нонсенс! Провокация! Вы лучше представьте, какого размера должно быть сердце, чтобы поднять кровь на такую высоту...

Скепсис, как оружие публицистики, он всегда пускал в ход, невзирая на авторитеты. Спорил со всеми губернаторами о политике и законах. Спорил с генералом-пограничником о творчестве «Любэ», вызвав у деликатного военного полное замешательство:

— Вы пошли на концерт «Любэ»? Ну как же вы так обманулись? Это ошибка с вашей стороны! Разве «Любэ» — это музыка? Вот Сукачов — это совсем другое дело!

Трудней всего Владимиру Ивановичу давались шаги навстречу Богу.

Насмешливо щуря на меня глаза на летучке, он рассказывал про открытие казачьего храма, на котором мы присутствовали:

— Вот вам пример журналиста, вставшего в религиозный экстаз: хотел было и я переkreститься, из уважения к обычаю, да взгляд, к счастью, упал на Соколова. Посмотрел я, как он истово бьёт поклоны, и сразу всё желание пропало...

Насмешливый тон, критическое отношение не мешали ему относиться снисходительно к некоторым журналистским опытам,

не запрещая их, но и свою принципиальную позицию он высказывал всегда.

Так, разрешив к печати мои паломнические заметки о путешествии в Саров, Владимир Иванович всё же затем строго отчитал меня за легковерие:

— Зачем вы пишете, что Серафим Саровский простоял на камне под дождём и ветром якобы полгода? Вы же журналист! Зачем он себя изнурял? Какой в этом пример для других? Мы должны заметить, что самоистязание — ошибочный путь к Богу...

Благодаря твёрдой позиции редактора и коллектива, «Южный Урал» пользовался уважением среди читателей. Вокруг газеты собирались уникальные люди, про которых мы постоянно писали и с которыми дружили.

Таким был, к примеру, атаман хуторского казачьего хозяйства Михаил Петрович Голодников, человек легендарный. Мы с Натальей Кожевниковой сотрудничали с ним много лет, освещая его успехи в возрождении казачества, строительстве храма, создании кадетских классов, патриотических и экологических акциях, трудотерапии среди наркоманов и многом ещё. Михаил Голодников сумел возродить целый мир новых отношений на своей земле, свои традиции, культуру, этику. Создал даже детский казачий духовой оркестр, который всегда особо опекал и которым гордился. Человек прямой, он никогда не лез за словом в карман, всегда был внутренне свободен.

Однажды, когда на хутор приехала американская делегация журналистов и учёных, которые живо интересовались жизнью казачьей общины и всё просили показать им что-нибудь ещё, Михаил Петрович вывел за руку юного казака лет пяти-шести, одетого в казачью форму, и гордо представил:

— Вот она, наша смена! Прадед этого казака лично отрубил голову самому Цвиллингу...

Стоявший рядом глава района Иван Григорьевич Павлычев, присев от неожиданности, схватился руками за голову. Потом, давась от хохота, просил:

— Ну, Петрович! Ты всё же поаккуратней...

Впрочем, американцы всё равно ничего не поняли.

Кстати, об Америке. Утверждаю, что такого фотоаппарата, каким снимал я в «Южном Урале», не существует нигде в мире. Ежегодно при инвентаризации, сверяя наличность с отчётом, в бухгалтерии происходил такой диалог:

— Фотоаппарат Никсон...

— Никон?

— Не Никон, а Никсон!

— Да нет такого аппарата, есть Никон, смотрите, как написано на самой камере...

— Ничего не знаем, у нас в документах значится «Никсон», расписывайтесь!

И так каждый год я расписывался в ведомости за 37-го президента США Ричарда Никсона.

Но самая мистическая вещь, которая значилась в бухгалтерской

описи, называлась «Кресло руководителя», инвентарный номер 0001. Даже в описи присутствовал должный пиетет, не стол, не шкаф были в списке первыми, не картина и телевизор, а Кресло руководителя! Его и креслом-то назвать было нельзя, так себе, широкий стул с подручниками и дерматином, пришитым декоративными мебельными гвоздями. Сталинский лжеампир 50-х годов. Но это кресло обладало тайной способностью изменять личность восседающего.

Мы любили ездить в командировки с Владимиром Ивановичем на его машине. Не только потому, что это было оперативно и комфортно. Главным образом потому, что это была редкая возможность увидеть самые лучшие человеческие качества нашего редактора. Конечно, работа работой, но и неформальное общение дорогого стоит! В поездках куда-то исчезал его брутальный стиль управления, суть которого нам с Кожевниковой однажды раскрыл весёлый замглавы Саракташского района:

— Вы пока не понимаете, Владимир Иванович не строгий совсем, он — руководитель, и сев в своё рабочее кресло, он уже управляет! Молча! Бровями!

Бывая у него в гостях в посёлке Весеннем, мы убеждались, что Никитин хлебосольный хозяин, он любил угощать сотрудников помидорами, арбузами, вишнёвыми наливками и прочими плодами своих трудов с огорода. Не было случая, чтобы в командировках

нас не накормили и так далее... Помню случай в Ташле, в гостинице ранним зимним утром, когда он трогательно раскладывал на батарее холодные беляши, пытаясь их разогреть для девчонок. Всю поездку он занимал сотрудников интересными беседами, откровенничал... Ну, отец родной! Это умиление и доверие мы ценили, мечталось даже, вот оно! Случилось! Владимир Иванович нас отменил! Ох, и заживём!

Но наступал роковой понедельник, и, собираясь на летучку, мы с надеждой смотрели на пустующее пока кресло... И вот оно, горькое прозреньё. «Хмурый муж пришёл»...

Сказать, что Владимир Иванович был груб? Да бог с вами... Сама корректность. Бывало, стоишь перед его молчаливым взглядом (да было, было за что), и, внутренне обливаясь потом, думаешь: ну, ругнулся бы, рыкнул, аки зверь! Всё бы поотлегло... Так ведь нет, бумажонку протягивает со вздохом. А бумажонка — это распятие! Писать надо, объясняться, себя жалеть! Но у этой твёрдой последовательной требовательности была своя скрытая причина.

Ко всем своим сотрудникам Никитин на работе относился одинаково жёстко. Это был его принцип! Но я-то уже знал, жёсткость эта — от кресла. Так уж оно было задумано, это чёртово Кресло руководителя, что сидя в нём, любой руководитель мог управлять бровями.

Когда времена изменились и «Южный Урал» реформировали,

уже без Владимира Ивановича стали распределять старое имущество редакции. Кто взял книги, кто — картины, а я замыслил выручить из забвения Кресло руководителя, всё равно оно валялось на лестничном проходе в пыли. Взять для истории и в благодарность за то добро, которое он лично сделал для меня. Но не тут-то было! Злополучное кресло просто исчезло. Обыскали всё. Нет! До моего прихода лежало, а при мне — исчезло. ОНО не захотело принадлежать мне! По слухам (точно никто не скажет), кресло вернулось к своему хозяину, и теперь уже их ничто не разлучит.

Я считаю, что значение созданного коллективом газеты «Южный Урал» за сто лет ещё не оценено. Это громадный опыт политического, социального и культурного преобразования страны, включающий в себя сразу несколько исторических эпох. Опыт, который необходимо сохранить для поколений. Что-то уже вошло в архивы, что-то находится на руках. Живая история утекает сквозь пальцы. Книжные проекты, электронные базы данных на исторических сайтах помогли бы нам сохранить наследие старейшего издания области. Бывает, редко где найдёшь подлинную правду, кроме как на исторических снимках или в деталях журналистских публикаций. Именно эти детали важны нам, когда мы с трепетом рассматриваем пожелтевшие старые фотографии. История пишется объективом и пером современников.

В.Н. Никитин – главный редактор газеты «Южный Урал» с 1987-го по 2015 г.

Очередная планёрка в «Южном Урале»

Виталий Вторин –
фотокорреспондент
«Южного Урала»

Главный редактор
прицеливается

Владимир Соколов и Наталья Кожевникова на выставке «Диалог культур» в ОГУ

В гостях у атамана Голодникова

Легкоатлетическая эстафета на призы газеты «Южный Урал»

На выставке в честь 100-летия газеты «Южный Урал»

...и коллектив газеты в день предыдущего юбилея: ещё все вместе...